

3

*Теория происхождения государства**

Р. Л. Карнейро

Американский музей естественной истории, Нью-Йорк

На протяжении первых двух миллионов лет своего существования люди жили локальными группами или общинами, которые, насколько мы можем судить, были полностью автономны. Только примерно за 5000 лет до н. э. общины стали объединяться в более крупные политические единицы. Однажды начавшись, этот процесс объединения продолжался со все возрастающей скоростью и привел к формированию примерно за 4000 лет до н. э. первых в истории государств (говоря о государстве, я подразумеваю автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов).

Несомненно, возникновение государства было политической инновацией в истории человечества, имевшей наибольшие перспективы, однако эта инновация все еще не в полной мере осмыслена. В самом деле, ни одна из существующих в настоящее время теорий возникновения государства не является полностью удовлетворительной. В том или ином аспекте все они имеют недостатки. Впрочем, есть одна теория, которая, по моему мнению, убедительно объясняет, как возникло государство. Это теория, которую я предложил ранее (Carneiro 1961, особенно см. с. 59–64) и которую я представляю здесь в более полной форме. Однако, прежде чем сделать это, мне кажется, желательно вкратце обсудить некоторые из традиционных теорий.

Детально разработанные теории происхождения государства появились сравнительно недавно. Классические авторы, такие как Аристотель, незнакомые с другими формами политической организации, склонялись к мысли, что существование государства «естественно» и соответственно не требует объяснения. Однако эпоха открытий заставила европейцев осознать, что многие народы по всему миру живут не в государствах, но в автономных общинах или племенах, что заставило считать существование государства менее естественным и, таким образом, требующим объяснения.

Из всего множества предлагаемых современных теорий происхождения государства мы можем принять во внимание лишь некоторые.

Карнейро Р. Л. / Теория происхождения государства, с. 55–70

Например, теории, основанные на национальных факторах, к настоящему времени настолько детально опровергнуты, что нет необходимости рассматривать их в данной работе. Мы также можем отбросить убеждение, что государство есть выражение «гениальности» какой-либо нации¹, или что оно явилось результатом «исторической случайности». Такие представления делают возникновение государства явлением метафизическим или случайным и, таким образом, помещают его за пределы научного понимания. По моему мнению, возникновение государства не было ни мистическим, ни случайным явлением. Оно не было продуктом деятельности «гения» или результатом удачного стечения обстоятельств, но результатом закономерного и детерминированного культурного процесса. Более того, это было не уникальным, но повторяющимся феноменом: государства появлялись независимо друг от друга в разных местах и в разное время. Там, где в наличии были соответствующие условия, появлялись государства.

ВОЛОНТАРИСТСКИЕ ТЕОРИИ

Серьезные теории возникновения государства делятся на два основных типа: *волютаристские* и *теории принуждения*. Волютаристские теории утверждают, что в какой-то момент своей истории определенные народы спонтанно, рационально и добровольно отказываются от своего индивидуального суверенитета и объединяются с другими общинами, чтобы сформировать более крупную политическую единицу, достойную быть названной государством. Наиболее известной из этих теорий является старая теория Общественного договора, которую связывают с Руссо. Теперь мы знаем, что никакой подобный договор никогда не подписывался человеческими группами, и теория Общественного договора сегодня не более, чем историческая диковина.

Наиболее широко распространенная из современных волютаристских теорий – это теория, которую я бы назвал «автоматической теорией». Согласно этой теории, изобретение земледелия автоматически приводит к появлению прибавочного продукта, что позволяет некоторым индивидам отделиться от производства питания и стать гончарами, ткачами, плотниками, каменотесами и т. д., таким образом, создавая дальнейшее разделение труда. Из этой профессиональной специализации развивалась политическая интеграция, которая объединила некоторое число до этого независимых общин в государство. Этот аргумент чаще всего приводился британским археологом В. Г. Чайлдом (см., например: Childe 1936: 82–83; 1950: 6).

Принципиальным противоречием этой теории является то, что сельское хозяйство *не создает* автоматически прибавочного продукта. Мы знаем об этом, так как многие земледельческие народы мира производят мало прибавочного продукта. Практически все индейцы Амазонки, например, были земледельцами, но в первобытные времена они

не производили прибавочного продукта. То, что технически производить такой прибавочный продукт было для них вполне реально, доказывается тем фактом, что под воздействием предложений европейских поселенцев продавать им продукты питания ряд племен смогли начать выращивать маниок на продажу в объемах, значительно превосходивших их собственные нужды². Таким образом, технические возможности для производства прибавочного продукта там были: не было социальных механизмов для их реализации.

Другая современная волюнтаристская теория возникновения государства – это «гидравлическая гипотеза» Карла Виттфогеля. Как я понимаю, Виттфогель видит возникновение государства следующим образом. В определенных засушливых и полузасушливых регионах мира земледельцы-общинники изо всех сил старались прокормиться с помощью мелкомасштабной ирригации, затем настал момент, когда они поняли, что будет больше пользы для всех, если отбросить индивидуальную автономию и объединить свои деревни в одну большую политическую единицу, способную осуществлять ирригацию в крупных масштабах. Органы власти, которые были созданы для разработки и управления такими обширными ирригационными работами, и образовали государство³.

Эта теория столкнулась недавно с некоторыми затруднениями. Археологические данные показывают, что по крайней мере в трех районах, которые Виттфогель приводит в качестве иллюстрации своей «гидравлической гипотезы»: Месопотамии, Китае и Мексике, – развитое государство появилось задолго до широкомасштабной ирригации⁴. Таким образом, ирригация не была причиной появления государства и не играла той роли, которую приписывал ей Виттфогель⁵.

Эта и другие волюнтаристские теории возникновения государства наталкиваются на один и тот же подводный камень: очевидную неспособность автономных политических единиц отказаться от своего суверенитета при отсутствии доминирующего внешнего принуждения. Мы видим, что эта неспособность демонстрируется вновь и вновь политическими единицами, начиная от маленьких сельских общин и заканчивая великими империями. На самом деле, можно изучать страницы истории и не найти ни одного истинного исключения из этого правила. Таким образом, чтобы рассмотреть возникновение государства, мы должны отвергнуть волюнтаристские теории и поискать решение проблемы происхождения государства где-то в другом месте.

ТЕОРИИ ПРИНУЖДЕНИЯ

Внимательное изучение истории показывает, что только теория принуждения может объяснить возникновение государства. Принуждение, а не просвещенная заинтересованность, есть механизм, который шаг за шагом направлял политическую эволюцию от автономных общин к государству.

Мнение о том, что в основе государства лежит война, отнюдь не является чем-то новым. Две с половиной тысячи лет назад Гераклит писал, что «война – это мать всех вещей». Однако первое тщательное исследование роли войны в становлении государства было сделано менее ста лет назад Гербертом Спенсером в его «Основаниях социологии» (см.: Carneiro 1967: 32–47, 63–96, 153–165). Возможно, более известными, чем работы Спенсера о войне и государстве, являются теории завоевания европейских авторов, таких как Людвиг Гумплович (Gumplowicz 1883), Густав Ратценхофер (Ratzenhofen 1893) и Франц Оппенгеймер (Oppenheimer 1926).

Например, Оппенгеймер утверждал, что государство появилось, когда производительная способность оседлых земледельцев объединилась с энергией кочевых скотоводов через завоевание первых последними (Oppenheimer 1926: 51–55). Впрочем, у этой теории имеется два серьезных недостатка. Во-первых, не удается объяснить появление государства в древней (первобытной) Америке, где кочевое скотоводство не было известно. Во-вторых, сейчас хорошо известно, что кочевое скотоводство в Старом Свете появилось только после появления там самых ранних государств.

Однако, несмотря на недостатки отдельных теорий принуждения, остается мало сомнений, что в той или иной степени война сыграла решающую роль в подъеме государства. Исторические или археологические данные об активных военных действиях были обнаружены для ранних стадий формирования государства в Месопотамии, Египте, Индии, Китае, Японии, Греции, Риме, Северной Европе, Перу, Колумбии, если ограничиться упоминанием только наиболее выдающихся примеров.

Так, говоря о германских племенах Северной Европы, Эдвард Дженкс замечает, что «с исторической точки зрения нет ни малейших трудностей в доказательстве того, что все политические общины современного типа (то есть государства) существуют благодаря успешным войнам» (Jenks 1900: 73). А читая книгу Яна Вансины «Королевства саванны» (Vansina 1966), где не преследуются теоретические цели, можно обнаружить, как раз за разом государства Центральной Африки появлялись именно подобным образом.

Но действительно ли из этого правила нет исключений? Неужели нигде в мире нельзя найти примера государства, появившегося не под влиянием войны?

В целом до недавнего времени антропологи считали, что классические майя представляли собой такой пример. В имевшихся тогда археологических данных не было никаких намеков на войну среди ранних майя, что привело ученых к рассмотрению их как миролюбивого теократического государства, которое появилось абсолютно без войны⁶. Однако это мнение более нельзя считать обоснованным. Недавние археологические открытия показали классических майя совершенно в

другом свете. Сначала произошло открытие бонампакских фресок, показывающих древних майя на войне и наслаждающихся мучениями военнопленных. Затем при раскопках вокруг Тикаля были открыты огромные земляные укрепления, частично окружавшие этот город древних майя, что ясно указывает на военное соперничество с соседним городом Вашактуном (Puleston, Callender 1967: 45, 47). Суммируя современные точки зрения по данной проблеме, Майкл Д. Коу отметил, что «древние майя были такими же воинственными, как и ...кровожадные государства постклассического периода» (Сое 1966: 147).

Однако, хотя война, несомненно, и является главным двигателем возникновения государства, она не может быть единственным фактором. В конце концов, войны велись во многих частях света, где государства так никогда и не появлялись. Таким образом, наряду с тем, что война может быть необходимым условием возникновения государства, это не есть единственное условие. Или, другими словами, хотя мы и можем обозначить войну в качестве *механизма* образования государства, нам также необходимо выделить *условия*, при которых она дает начало государству.

СРЕДОВАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Как же нам следует определить эти условия? Один из многообещающих подходов – это поиск факторов, общих для тех регионов мира, где независимо появлялись государства (таких регионов, как долины Нила, Тигра и Евфрата, долина Инда в Старом Свете и долина Мехико, а также горные и прибрежные равнины Перу в Новом Свете). Эти районы отличаются друг от друга по многим аспектам – таким, как высота над уровнем моря, среднегодовая температура, количество выпадаемых осадков, тип почвы, – а также по другим характеристикам. Но, однако, у них есть одна общая черта: *это все районы ограниченных средой земель, пригодных для земледелия*. Каждый из этих регионов ограничен горами, морями или пустынями, и эти природные условия определяют четкую границу районов, которые земледельческие народы могут занимать и осваивать. В этом отношении данные регионы очень сильно отличаются от, скажем, бассейна Амазонки или восточных лесных массивов Северной Америки, где огромные и нетронутые леса обеспечивали почти неограниченный запас сельскохозяйственных угодий.

Но каково же значение ограниченных средой сельскохозяйственных земель для возникновения государства? Это значение лучше всего понять, сравнив политическое развитие двух регионов мира с противоположной экологией: один регион – с сельскохозяйственными землями, ограниченными средой, а другой регион – с обширными и неограниченными средой землями. Два региона, которые я выбрал для этого сравнения, – это прибрежные долины Перу и бассейн Амазонки.

Наше исследование начинается на этапе, когда земледельческие общины уже существовали, но каждая из них была все еще полностью

автономна. Сначала, рассмотрев бассейн Амазонки, мы увидим, что земледельческие общины там были многочисленны, но сильно рассредоточены. Даже в районах со сравнительно плотным расположением поселений, например в бассейне Верхнего Шингу, деревни находились по меньшей мере в 10–15 милях друг от друга. Таким образом, типичная община Амазонии, даже несмотря на практиковавшуюся там простую форму переложного земледелия, требовавшего огромных площадей земли, все равно имела в своем распоряжении достаточное количество лесных массивов, чтобы получить необходимый для обработки объем земель (см.: Carneiro 1960: 229–234). В целом для Амазонии в то время была характерна низкая плотность населения, и демографическое давление было слабым.

Войны, несомненно, были частым явлением в Амазонии, но они велись по причине мести, с целью захвата женщин, для личного престижа и по другим мотивам подобного рода. Там не было недостатка земель, и, в общем и целом, не было войны за землю.

Последствия войн того типа, что происходили в Амазонии, были следующие. Побежденная группа, как правило, не смещалась со своей территории. Также победители не делали никаких реальных попыток подчинить побежденных или получить от них дань. Это было трудновыполнимо в любом случае, так как не было никакого эффективного способа помешать проигравшим спастись бегством в отдаленной части лесных территорий. В самом деле, побежденные деревенские общины часто выбирали именно этот вариант не столько во избежание подчинения другими общинами, сколько чтобы уйти от последующих атак. С разбросанными поселениями в Амазонии можно было относительно легко найти и занять новый район лесной зоны, не вклиниваясь при этом в территорию, контролируемую другой деревенской общиной. Более того, так как фактически любой район леса был пригоден для возделывания, сельскохозяйственное производство продуктов питания можно было осуществлять на новом месте так же, как и на старом.

По-видимому, в процессе этих войн и перемещений земледельческие племена постепенно распространялись до тех пор, пока не заняли, относительно неплотно, почти все обширные территории бассейна Амазонки. Таким образом, при условии неограниченных пахотных земель и низкой плотности населения, преобладавшей в Амазонии, эффект войны проявлялся в рассредоточении деревень на обширном пространстве и поддержании их автономии. За несколькими исключениями, перечисленными ниже, в Амазонии не наблюдалась тенденция, чтобы деревни оставались на одном месте и объединялись в более крупные политические единицы.

Поразительным контрастом ситуации в Амазонии были события в узких прибрежных долинах Перу. Представляемая мной реконструкция этих событий выведена общеизвестным дедуктивным путем, но, думаю, она согласуется и с археологическими данными.

Здесь так же наше рассмотрение начинается со стадии небольших разбросанных автономных земледельческих общин. Однако общины здесь были не рассредоточены, как на обширном пространстве дождевых лесов в Амазонии, а были ограничены примерно 78 короткими и узкими долинами⁷. Более того, каждая из этих долин была ограничена горами с одной стороны, морем – с другой, а по обе стороны располагались пустыни, засушливые, как нигде в мире. Вероятно, нигде больше нельзя найти более резко ограниченных для земледелия долин, чем здесь.

Как неолитические поселения в целом, деревни Перуанского побережья имели тенденцию разрастаться. Так как автономные общины, вероятно, имеют тенденцию распадаться по мере роста, до тех пор пока есть земля, доступная для отколовшихся поселений, несомненно, эти деревни время от времени разделялись⁸. Таким образом, имела тенденция увеличения числа деревень, которое росло быстрее, чем их размеры. Этот рост количества деревень, занимающих долину, по-видимому, продолжался, препятствуя значительным изменениям в производстве продуктов питания, до тех пор пока вся пахотная земля в долине не была освоена.

На этой стадии начали происходить два изменения в технологии земледелия: обработка уже возделываемой почвы стала более интенсивной, а новые, прежде непригодные, земли начали обрабатываться с помощью террасирования склонов и ирригации (см.: Carneiro 1958).

Впрочем, объемы новых пахотных земель не успевали за растущей потребностью в них. Уже до того, как недостаток земли стал настолько острым, что применение ирригации стало систематическим, общины, несомненно, воевали друг с другом за земли. До этого, когда число земледельческих общин было еще не большим, и они были обеспечены землей, войны, которые велись в прибрежных долинах Перу, возможно, были по большей части такие же, как описанные ранее для Амазонии. Однако с растущим демографическим давлением главные стимулы войны изменились с жажды мести на необходимость получения новых земель. И поскольку причины войн стали по большей части экономическими, их частота, интенсивность и значимость возрастала.

Когда эта стадия была достигнута, проигравшая в войне перуанская деревня сталкивалась с последствиями, весьма отличными от тех, с какими сталкивалась побежденная деревня в Амазонии. Там, как мы видели, побежденные могли уйти на новое место жительства, добывая пропитание так же, как и раньше, и при этом сохраняя независимость. Однако в Перу для жителей проигравшей деревни такой альтернативы больше не было. Горы, пустыня и море – не говоря уже о соседних деревнях – блокировали пути к спасению во всех направлениях. Таким образом, перспективы для проигравшей деревни ожидалась весьма мрачные. Если общине разрешалось оставаться на своей территории, вместо истребления или изгнания, то такое послабление возможно было только за определенную цену. И этой ценой было политическое

подчинение победителю. В целом такая зависимость влекла за собой по меньшей мере выплату дани или налога, что побежденная деревня могла обеспечить, только производя продуктов больше, чем производила ранее. Но подчинение подчас приводило к дальнейшей потере побежденной общиной своей независимости, а именно включение в политическую единицу, где доминировал победитель.

На фоне повторяющихся войн подобного рода мы наблюдаем возникновение в прибрежном Перу объединенных территориальных единиц, превосходящих общину по размерам и степени организации. Политическая эволюция достигала уровня вождества.

Так как нехватка земли сохранялась и даже становилась все более острой, продолжались и обострялись войны. Впрочем, теперь конкурирующими единицами зачастую были не маленькие общины, а большие вождества. Начиная с этого момента посредством завоевания вождества другим вождеством размер политических единиц увеличивался в геометрической прогрессии. Естественно, с увеличением размеров независимых политических единиц их число уменьшалось, и в результате вся долина, по-видимому, была полностью объединена под властью самого сильного вождества. Образовавшаяся таким образом политическая единица была, несомненно, достаточно централизована и сложна, чтобы иметь право называться государством.

Политическая эволюция, описанная мною для одной долины Перу, происходила и в других долинах, в высокогорьях, а также на побережье⁹.

Когда появились государства, занимавшие долину целиком, следующим шагом было формирование государств, состоящих из нескольких долин, путем завоевания более слабых более сильными. Кульминацией этого процесса было завоевание всего Перу¹⁰ самым могущественным государством и формирование единой великой империи. Хотя подобный скачок мог совершаться не раз, и не два в истории Анд, наиболее заметно в последний раз он был сделан инками¹¹.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

В то время как объединение общин в вождества и вождеств в государства происходило путем внешних завоеваний, структура этих постепенно увеличивающихся политических единиц внутренне развивалась. Эти внутренние изменения были, конечно, тесно связаны с внешними событиями. В результате успешной экспансии государства включали в свои владения завоеванные народы и территории, которыми нужно было управлять. И в основном именно индивиды, отличившиеся в войне, назначались на политические должности и выполняли задачи управления. Помимо утверждения законов и указов и сбора налогов, в функции этого растущего класса управленцев входила мобилизация населения для строительства ирригационных сооружений, дорог, крепостей, дворцов и храмов. Таким образом, эти функции помогали объ-

единить совокупность неоднородных мелких государств в единую интегрированную и централизованную политическую единицу.

Те индивиды, кому удалось улучшить свое социальное положение благодаря военным подвигам, стали наряду с правителем и его кровными родственниками ядром высшего класса. Более низкий класс, в свою очередь, сформировался из пленников, захваченных на войне и используемых в качестве слуг и рабов. Таким образом, война способствовала появлению социальных классов.

Ранее я отмечал, что люди старались завладеть землей соседей до того, как полностью используют возможности своей земли. Это предполагает, что у каждой автономной общины был неиспользованный резерв производительности и что этот резерв используется, только когда деревня покорена и вынуждена платить натуральную дань. Прибавочный продукт, получаемый от завоеванных деревень посредством взимания дани, в совокупности достигавший довольно значительных размеров, шел в основном на содержание правителя, его воинов и слуг, чиновников, священников и других членов зарождающегося высшего класса, который, таким образом, полностью отделился от производства продуктов питания.

Наконец, те, кто остался без земли в результате военных действий, но не был порабощен, обычно притягивались к поселениям, которые вследствие своей специфической административной, коммерческой или религиозной функции превращались в большие и маленькие города. Здесь они могли заработать пропитание в качестве работников и ремесленников, обменивая свой труд или изделия на часть экономического прибавочного продукта, который правящий класс получает от земледельцев общин и тратит на повышение своего уровня жизни.

Процесс политической эволюции, который я обрисовал, в прибрежных долинах Перу был по своим основным характеристикам отнюдь не уникальным, свойственным только для этого региона. В районах с ограниченным запасом сельскохозяйственных угодий в других частях света, таких как долина Мехико, Месопотамия, долина Нила, долина Инда, наблюдался во многом схожий процесс, имевший в своей основе те же причины. В этих районах также вслед за автономными общинами неолита появились вождества, за вождествами – государства, а за государствами – империи. Последняя стадия этого развития, была, конечно, наиболее впечатляющей. Масштабы и роскошь ранних империй затмили все, что было до этого. Но в каком-то смысле империи были всего лишь логической кульминацией процесса. Действительно, главным шагом, запустившим всю цепь событий, приведших к образованию империй, был сдвиг от автономной общины к надобщинной интеграции. Этот шаг был качественным изменением; все последующее было, в какой-то мере, только изменением степени.

К тому же этот кардинальный шаг к надобщинному объединению был трудным, так как потребовалось два миллиона лет, чтобы его сде-

лать. Но когда он был сделан, когда был преодолен уровень автономной общины, потребовалось всего лишь две или три тысячи лет для подъема великих империй и расцвета сложных цивилизаций.

КОНЦЕНТРАЦИЯ РЕСУРСОВ

Любая теория формулируется сначала на основе ограниченного числа фактов. Впрочем, со временем теория встречается с новыми фактами. А новые факты зачастую упрямы и не вписываются в теорию, или не совсем согласуются с ней. Что отличает удачную теорию от неудачной, так это то, что ее можно модифицировать или развивать, чтобы адаптировать ко всему диапазону фактов. Рассмотрим, как «теория ограниченности» выдержит столкновение с определенными фактами, которые кажутся исключениями.

Для первой проверки давайте вернемся в Амазонию. Первые путешественники по Амазонке оставили письменные свидетельства о культуре на берегу этой реки, с более высоким развитием, чем описанное мною для Амазонии в целом. В 1500-е годы плотность коренного населения, жившего по берегам Амазонки, была относительно высокой, деревни были сравнительно большими и располагались близко друг к другу, также существовал определенный уровень социальной стратификации. Более того, в некоторых местах верховный вождь имел власть над несколькими общинами.

Сразу возникает вопрос: почему же здесь, с нетронутыми пространствами земель, пригодных для земледелия и простирающихся от Амазонки вглубь на сотни километров, появились вождества?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть природные условия Амазонки. По берегам самой реки и на ее островах существует тип земель, называемый *várzea*. Река заливает эти земли каждый год, покрывая их слоем плодородного ила. Из-за этой ежегодной подпитки *várzea* является первоклассной почвой, которую можно культивировать год за годом, не оставляя под паром. Таким образом, среди местных земледельцев она высоко ценилась, и ею стремились завладеть. Воды Амазонки также необычайно щедры: рыба, ламантины, черепахи и черепахи яйца, кайманы и другие речные продукты в неисчислимых количествах. Благодаря такой концентрации ресурсов, Амазонка как место жительства значительно превосходила по привлекательности районы, расположенные вдали от прибрежной полосы.

Концентрация ресурсов вдоль берега Амазонки была, по сути, своего рода ограничением. Хотя здесь и не существовало четкого разделения на плодородные и неплодородные земли, как это было в Перу, налицо по крайней мере сильные экологические отклонения. Так, гораздо более благодатными, чем прилегающие районы, были берега Амазонки, и они стали настолько желанными в качестве места проживания, что народы тянулись сюда из прилегающих районов. Повидимому, произошло уплотнение населения вдоль многих частей ре-

ки, что привело к войнам за участки вдоль реки. И проигравшие в войне, чтобы снова получить доступ к реке, часто не имели никакого другого выбора кроме как покориться победителям. Через такое подчинение общины главному вождю появились вдоль Амазонки вождества, представлявшие более высокую стадию политической эволюции, чем где-либо еще в бассейне реки¹².

Понятие концентрации ресурсов также помогает объяснить тот удивительный уровень политического развития, вероятно, достигнутый народами перуанского побережья в то время, когда они все еще зависели преимущественно от рыболовства как средства пропитания и только во вторую очередь от сельского хозяйства (Lanning 1967: 57–59). Об этой кажущейся аномалии писал Лэннинг: «Насколько мне известно, это единственный случай, где столько много признаков цивилизации можно обнаружить без сельскохозяйственной экономической основы» (Lanning 1967: 59).

Однако, вооружившись понятием концентрации ресурсов, мы можем показать, что в конечном счете это развитие не было таким уж аномальным. Объяснение, как мне кажется, в следующем. Вдоль побережья Перу дикорастущие культуры, являвшиеся источником питания, встречались в значительных количествах и разнообразии. Однако они росли на очень ограниченной, узкой полосе земли.¹³ Соответственно *изобилие* продуктов питания в этой зоне привело к резкому росту населения, в то же время *ограниченность* таких участков вскоре привела к почти полному занятию используемых районов. И когда давление на имеющиеся в распоряжении ресурсы достигло критической точки, началось соперничество за земли. Результатом этого соперничества было приведение в действие описанной мною последовательности событий политической эволюции.

Таким образом, оказывается, что мы спокойно можем включить концентрацию ресурсов и средовую ограниченность как факторы, ведущие к войнам за землю и, значит, к политической интеграции над уровнем общины.

СОЦИАЛЬНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Но остается еще один фактор, который необходимо рассмотреть в связи с возникновением государства.

Обсуждая теорию природных ограничений при рассмотрении индейцев яномама в Венесуэле, Наполеон А. Шаньон (Chagnon 1968: 249, особенно с. 251; см. также: Fock 1964: 52) представил понятие «социальных ограничений». Он имеет в виду, что высокая плотность населения в каком-либо регионе может оказать влияние на народы, живущие в центре данного района, похожее с влиянием природных ограничений. Это понятие представляется мне важным дополнением к нашей теории. Рассмотрим, как, согласно Шаньону, социальные ограничения действовали среди яномама.

Яномама, численность которых была около 100 тыс. человек, жили на огромной неограниченной территории дождевых лесов вдали от какой-либо большой реки. Можно было бы ожидать, что деревни яномама будут, таким образом, более или менее равномерно распределены. Однако Шаньон отмечает, что в центральной части территории яномама деревни располагаются ближе друг к другу, чем на периферии. По этой причине они больше вторгаются на территории друг друга, результатом чего являются более частые и интенсивные войны в центре, чем в периферийных районах. Более того, деревням, расположенным в центре, сложнее избежать нападений, переместившись в другое место, так как в отличие от деревень на периферии, их способность перемещаться в некоторой степени ограничена.

В результате деревни в центре территории яномама крупнее, чем деревни в других районах, так как большой размер деревни является преимуществом как при нападении, так и при обороне. Дополнительным эффектом более интенсивных военных действий в центре района является то, что лидеры здесь могущественнее. Вожди яномама – это еще и военные лидеры, и их влияние растет пропорционально участию их деревни в войне. Кроме того, наступательные и оборонительные союзы между общинами больше распространены в центре территории яномама, чем на внешних границах. Таким образом, все еще находясь в плане политической организации на уровне автономного поселения, те яномама, что испытывали социальную ограниченность, явно продвинулись на шаг или два в направлении более высокого политического развития.

Хотя для яномама характерна весьма умеренная социальная ограниченность, этого оказалось достаточно, чтобы создать различия в уровне политической организации. Следовательно, должно быть понятно, какими будут результаты в районах с более выраженной социальной ограниченностью. Сначала последует сокращение размеров территории, контролируемой каждой отдельной деревенской общиной. Затем, когда демографическое давление станет еще более сильным, последуют войны за землю. Но так как прилегающие территории на мили вокруг уже являются собственностью других деревень, проигравшей общине негде будет искать прибежище. Начиная с этого момента результаты войны для данной деревни и для политической эволюции в целом будут в основном такими, как я описал их для ситуации средовой ограниченности.

Возвращаясь к Амазонии, ясно, что если социальные ограничения действуют среди яномама сегодня, то они определенно оказывали влияние на племена в бассейне Амазонки 400 лет назад. И это влияние, несомненно, стало стимулом дальнейшей политической эволюции в этом регионе.

Итак, мы видим, что даже при отсутствии резких природных ограничений фактор концентрации ресурсов и социальная ограниченность могут посредством усиления войн и переориентации их в сторону захвата земли дать мощный импульс политическому развитию.

Теория ограниченности, включив в себя эти вспомогательные гипотезы, может лучше противостоять полному ряду проверочных случаев, которые могут встретиться. Например, теперь можно рассматривать возникновение государства в долине Хуанхэ на севере Китая и даже в районе Петен среди равнинных майя, районах, для которых не характерна резкая ограниченность земель, пригодных для сельского хозяйства. В случае с долиной Хуанхэ нет сомнений, что концентрация ресурсов и социальная ограниченность выступали в качестве главных действующих сил. Среди равнинных майя концентрация ресурсов, кажется, не была главным фактором, но это вполне могла быть социальная ограниченность.

Некоторые археологи могут возразить, что плотность населения в долине Петен в формативный период была слишком низкой для возникновения социальной ограниченности. Но, определяя величину плотности населения, достаточную для того, чтобы вызвать подобный эффект, мы должны учитывать не столько общую площадь занимаемой территории, сколько количество земли, необходимой для поддержания существующего населения. А размер земли, обеспечивающей пропитание, зависит не только от численности населения, но также и от образа жизни. Переложное земледелие, практиковавшееся древними майя (Morley, Brainerd 1956: 128–129), требовало значительно больших площадей земли на душу населения, чем при постоянной культивации полей, скажем, в долине Мехико или на побережье Перу¹⁴. Следовательно, поскольку мы говорим об оказываемом воздействии, то сравнительно низкая плотность населения в Петене могла быть равносильна значительно большей плотности в Мексике или Перу.

На примере яномама мы уже поняли, что социальная ограниченность может оказывать влияние, когда население еще относительно рассредоточено. И мы можем быть уверены, что Петен был значительно более густо заселен в формативный период, чем территория яномама сегодня. Таким образом, плотность населения среди равнинных майя с кажущейся видимой рассредоточенностью на самом деле могла быть достаточно высокой, чтобы спровоцировать борьбу за землю и, таким образом, обеспечить первоначальный импульс для формирования государства.

ВЫВОДЫ

Итак, говоря вкратце, теория ограниченности в своей усовершенствованной форме выходит далеко за рамки рассмотрения только происхождения государства. Она объясняет, почему государства появились там, где появились, и почему они не появились в других районах. Она показывает, что государство было предсказуемой реакцией на определенные специфические культурные, демографические и природные условия. Таким образом, она помогает объяснить, каков был тот несомненно уникальный в своей важности шаг, который когда-либо делался в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Впервые опубликовано в журнале *Science*, 21 August 1970, № 169, с. 733–738, на английском языке под названием «A Theory of the Origin of the State». На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен Е. В. Емановой по указанному изданию.

¹ Например, один из первых американских социологов Лестер Ф. Уорд видел в государстве «результат незаурядного использования дара мышления», достижение настолько исключительное, что «оно должно было быть эманацией одного мозга или нескольких действовавших сообща умов...» (Ward 1883: 224).

² У меня в архиве есть несколько примеров производства прибавочного продукта в таких племенах Амазонии, как тупинамамба, хеверо, мундуруку, тукано, десана, кубео и канела. Тщательное исследование этнографической литературы по этому региону, несомненно, предоставит еще больше примеров.

³ Виттфогель утверждает: «Эти способы [организации и социального контроля – то есть государство] появляются, когда в поисках нового земледельческая община или протоземледельцы обнаруживают большие запасы влаги в засушливом, но потенциально плодородном районе... Некоторое число земледельцев, готовых завоевать [в плане сельского хозяйства, а не военном] засушливые долины и низины, вынуждены применять организационные механизмы, которые – на основе домашней технологии – предоставляют тот самый шанс на успех; при этом они должны работать в сотрудничестве со своими товарищами и подчинить себя прямой власти» (Wittfogel 1957: 18).

⁴ Для Месопотамии Роберт М. Адамс сделал следующий вывод: «Короче говоря, ничто не указывает на то, что подъем династической власти в южной Месопотамии был связан с необходимостью управлять главной системой каналов» (Adams 1960: 281). О Китае, прототипическом районе для «гидравлической теории» Виттфогеля, французский синолог Жак Жерне недавно писал: «Хотя создание системы регулирования течения воды и ирригации и контроль за этой системой могли оказать влияние на политическое устройство военных государств и имперского Китая, но факт остается фактом: исторически именно существовавшие до этого структуры государства и большое количество хорошо подготовленных работников, подкрепленные армией, сделали возможными грандиозные проекты по ирригации» (Gernet 1968: 92). В Мексике создание крупномасштабных ирригационных систем, как оказалось, не предшествовало классическому периоду, и в то же время ясно, что первые государства появились раньше формативного или доклассического периода.

⁵ Это не говорит, конечно, о том, что крупномасштабная ирригация там, где она осуществлялась, не способствовала в значительной степени росту мощи и размеров государства. Несомненно, способствовала. В рамках той дискуссии, которой ограничивается Виттфогель, я с ним вовсе не спору. Однако на повестке не то, как государство увеличивало свою мощь, но как оно появилось в первый раз. И на этот вопрос в «гидравлической теории», кажется, нет ответа.

⁶ Например, Джулиан Г. Стюард писал: «Следовательно, майя смогли развить высокую цивилизацию, вероятно, только потому, что им представился необычайно долгий период мира; так как их поселения кажутся слишком уязвимыми при военных действиях» (Steward 1949: 17).

⁷ В период ранних земледельцев (докерамический период VI, начавшийся около 2500 г. до н. э.) поселения людей, кажется, чаще располагались вдоль морского побережья, чем в речных долинах, и жизнеобеспечивающая экономика, по-видимому, больше основывалась на рыболовстве, чем на земледелии. Кроме того,

на этой стадии могли быть сделаны некоторые первые значимые шаги политической эволюции за рамки автономных общин. Впрочем, после того как производство продуктов питания стало основываться преимущественно на земледелии, модель поселения изменилась, и с тех пор общины стали больше концентрироваться в речных долинах, которые были единственным местом, где находились пригодные для возделывания почвы (см.: Lanning 1967: 57–59).

⁸ В моем архиве я обнаружил примеры расщепления общин среди следующих племен Амазонии: куикуру, амаракаери, кубео, урубу, тупари, яномама, тукано, тенегара, канела и северные кайапо. В условиях легкости переселения в Амазонии отделение часто происходило при уровне численности населения меньше 100 человек, а размер деревни редко превышал 200 человек. Однако в прибрежном Перу, где количество земли была сильно ограничено, деревни не могли разделяться с такой легкостью и, таким образом, росли до уровня, когда, согласно Лэннингу, численность населения была в среднем больше 300 человек (Lanning 1967: 64).

⁹ Естественно, такая эволюция происходила в разных долинах Перу на разном уровне и в различной степени. На самом деле, возможно, в одно время несколько долин уже были политически унифицированы, а другие все еще не преодолели стадии автономных деревень.

¹⁰ Однако не каждый шаг в строительстве империи обязательно осуществлялся посредством реального физического завоевания. Угроза насилия зачастую оказывала тот же эффект, как и ее непосредственное применение... Таким образом, многие более мелкие вождества и государства, вероятно, были вынуждены отказаться от своего суверенитета, не будучи побежденными на поле битвы. Несомненно, инки однозначно использовали подобную политику при расширении своей империи: попробовать убеждение перед тем, как прибегнуть к силе оружия. (см.: Garcilaso de la Vega 1966: 108, 111, 140, 143, 146, 264)

¹¹ Эволюция империи в Перу никоим образом не была прямолинейна или обратима. Продвижение чередовалось с упадком. За интеграцией часто следовала дезинтеграция, когда государства распадались снова на вождества и, возможно, даже на автономные общины. Но лежавшие в основе политического развития мощные силы в конечном счете восторжествовали. Таким образом, несмотря на флуктуации и попятные движения, направление эволюции в Перу было очевидным: она началась со многих маленьких, простых, разбросанных и автономных общин и закончилась единой, огромной, сложной и централизованной империей.

¹² Фактически похожее политическое развитие происходило в другой части Амазонии – в бассейне реки Маморе в долине Мохос в Боливии. Здесь концентрация ресурсов также сыграла ключевую роль (см.: Denevan 1966: 43–50, 104–105, 108–110). В аборигенной Северной Америке к северу от Мексики самое высокое культурное развитие было достигнуто в среднем течении главной реки (Миссисипи), которая, обеспечивая людей исключительно плодородной почвой и ресурсами речных продуктов питания, являлась зоной концентрации ресурсов (см.: Griffin 1967: 189).

¹³ Концентрация ресурсов в таком случае сочеталась здесь с природными ограничениями. И, несомненно, то же самое можно сказать о долинах таких рек, как Нил, Тигр и Евфрат, Инд.

¹⁴ Я думаю, можно допустить, что любой существенный рост плотности населения среди майя достигался с помощью определенной интенсификации земледелия. С ростом населения поля, вероятно, выпалывались более тщательно, и, возможно, их обрабатывали на год или два больше, а под залежь оставляли на несколько лет меньше. Хотя, учитывая характер почвы во влажных тропиках, отсутствие свидетельств внесения каких-либо удобрений и скромную плотность насе-

ления, кажется вероятным, что земледелие у майя скорее оставалось экстенсивным, чем интенсивным.

ЛИТЕРАТУРА

Adams, R. M. 1960. Factors Influencing the Rise of Civilization in the Alluvium: Illustrated by Mesopotamia. In Kraeling, C. H., Adams, R. M. (eds.), *City invincible: a symposium on urbanization and cultural development in the ancient Near East* (pp. 24–34). Chicago: University of Chicago Press.

Carneiro, R. L.

1958. *Ethnographic-archaeol. Forschungen* 4, 22.

1960. Men and Cultures. In Wallace, A. F. C. (ed.), *Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences* (pp. 229–234). Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia.

1961. *The Evolution of Horticultural Systems in Native South America: Causes and Consequences; A Symposium*. In Wilbert, J. (ed.), *Antropologica (Venezuela)*, Suppl. 2: 47–67

1967. *The Evolution of Society; Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology* (pp. 32–47, 63–96, 153–165). In Carneiro, R. L. (ed.). Univ. of Chicago Press, Chicago.

Chagnon, N. A. 1968. *Proceedings, VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. Vol. 3 (pp. 249–251). Tokyo; Kyoto.

Childe, V. Gordon

1936. *Man Makes Himself*. London: Watts.

1950. *Town Planning Rev.* 21, 3: 6.

Coe, M. D. 1966. *The Maya*. New York: Praeger.

Denevan, W. 1966. The Aboriginal Cultural Geography of the Llanos de Mojos of Bolivia. *Iberoamericana* 48: 43–110.

Fock, N. 1964. *Folk* 6 (47): 52.

Vega, Garcilaso de la 1966. *Royal Commentaries of the Incas and General History of Peru*. Part 1. Austin: Univ. of Texas Press.

Gernet, J. 1968. *Ancient China, from the Beginnings to the Empire*. London: Faber and Faber.

Griffin, J. B. 1967. *Science* 156, 175: 189.

Gumplowicz, L. 1883. *Der Rassenkampf*. Innsbruck: Wagner.

Jenks, E. 1900. *A History of Politics*. New York: Macmillan.

Lanning, E. P. 1967. *Peru Before the Incas*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall.

Morley, S. G., Brainerd, G. W. 1956. *The Ancient Maya*. 3rd ed. Stanford, Calif.: Stanford Univ. Press.

Oppenheimer, F. 1926. *The State*. New York: Vanguard.

Puleston, D. E., Callender, D. W. 1967. *Expedition* 9 No. 3, 40 (see pp. 45, 47).

Ratzenhofer, G. 1893. *Wesen und Zweck der Politik*. Leipzig: Brockhaus.

Steward, J. H. 1949. Cultural Causality and Law: A Trial Formulation of the Development of Early Civilizations. *American Anthropologist* 51: 1–27.

Vansina, J. 1966. *Kingdoms of the Savanna*. Madison: Univ. of Wisconsin Press.

Ward, L. F. 1883. *Dynamic Sociology*. New York: Appleton.

Wittfogel, K. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.